

После бурной и шумной перепалки отец с братом наконец-то уgomонились.

Линд, этот непризнанный гений кулинарных катастроф, всё никак не мог простить брату святотатства: Джимми, видите ли, посмел вылить его «целебную стряпню», приготовленную с такой заботой! Линд так и вился рядом, бубня под нос:

— Мелкий паршивец... До сих пор каюсь, что в колыбели тебя подушкой не придушил!

«Да пошёл ты в задницу!»

Правы люди: сопливых вовремя целуют, а придурков жаловать — себе дороже. Последние крохи вины перед этим придурком испарились без следа. Джеймсу хотелось лишь одного — чтобы братец наконец заткнулся.

Тут подал голос глава семейства. Старый Джон весомо кашлянул, прерывая безмолвную дуэль взглядов. Он с самым деятельным видом развернул утреннюю газету и спросил:

— Ты вообще думал, чем дальше заниматься будешь, Джимми?

И тут Джеймса осенило. Вот почему этот чёртов ангел закинул его именно в сегодняшний день.

Сегодня решалась его судьба.

Хотя, строго говоря, и решать-то было особо нечего. В те годы у парней его круга, не обременённых тягой к наукам, выбор был невелик. Почти все они напрямик со школьной скамьи шли на заводы. Во-первых, так делали все, а во-вторых, в Бирмингеме дефицита рабочих мест не наблюдалось: кругом коптили небо литейные, химические, текстильные и машиностроительные гиганты, собиравшие всё — от дизелей до реактивных двигателей.

Надо отдать должное старику Джону — глупцом он не был. Сам всю жизнь отгорбатив у станка, он не стал слепо следовать стадному чувству и пихать сыновей на ту же каторгу. У него была своя философия, простая и железобетонная:

— Заводской работяга — деталь заменяемая, сегодня нужен, завтра уволят. А вот ремесло — это хлеб. Выучишься на мастера, и это у тебя уже никто не отнимет. На всю жизнь сыт будешь.

Даже много лет спустя Джеймс не мог не признать отцовскую правоту:

— Тут ты чертовски прав, пап.

Обрадованный молчаливым согласием сына, старый Джон ткнул пальцем в колонку объявлений и принялся перечислять варианты один краше другого: водопроводчик, забойщик птицы на бойне, сварщик на стройплощадке...

Прокручивая в голове этот список заново, Джеймс лишний раз убедился, что в прошлой жизни принял единственно верное решение, выбрав авторемонт. Остальные вакансии выглядели как отборное дерьмо.

Но тут на ум пришли пафосные бредни мускулистого ангела о «предначертании» и «таланте», и Джеймс чисто ради любопытства спросил:

— А можно мне вообще ничего из этого не выбирать?

— Валяй, — легко согласился отец. — И что же ты тогда хочешь делать?

— Ну... некоторые говорят, что я неплохо пою.

— ... И?

— Может, мне податься в певцы?

В комнате мгновенно повисла гробовая тишина. Отец и брат уставились на него так, словно у него на лбу вырос третий глаз. Наконец Линд с самым искренним недоумением озвучил сугубо практические вопросы:

— Петь? Это что, работа такая? И где на неё нанимают? Какая там недельная ставка? Сколько часов в день орать надо? И как у них с отпусками?

Блестящие вопросы! Джеймсу самому страстно захотелось подняться на небеса и переадресовать их Всевышнему. Превратить пение в профессию в их квартале считалось верхом слабоумия. Да, пускай этот крылатый качок и талдычит про Божий дар, но дар на хлеб не намажешь.

«И ради чего? Спустить в унитаз земную жизнь, чтобы после смерти получить тёплое местечко в небесной канцелярии? Ну уж нет, увольте!»

Джеймс вовремя спохватился и поспешил замять тему, пока его не сочли окончательно спятившим:

— Да ладно вам, я просто пошутил.

Он вернулся к насущным планам. С его багажом знаний из прошлой жизни грех было не пойти по проторенной дорожке. План вырисовывался чёткий и понятный: устроиться учеником в приличную мастерскую, побыстрее набраться опыта, вкалывать как проклятый, скопить денег, а там, глядишь, и собственным автосервисом обзавестись. Если дело выгорит — можно будет расширить бизнес, открыть филиалы по всей стране...

«И не думай!» — раздался в его голове знакомый голос.

На следующий день по дороге к автомастерской Джеймса самым бесцеремонным образом перехватили.

— Ты же вроде на небо провалился? — насутился Джеймс, глядя на возникшего перед ним великана. — Какого чёрта ты опять припёрся?

— Если бы я не явился, ты бы снова полез в эту вонючую мазуту? — грозно спросил двухметровый шкаф с крыльями. — Я трачу свои божественные силы, чтобы отмотать время на десять лет назад, не для того, чтобы ты гайки крутил! На небесах нет автомобилей, и автомеханики нам без надобности.

— Слушай, приятель, не будь таким ретроградом, — хмыкнул Джеймс, стараясь говорить непринужденно. — Прогресс — штука полезная. Напрягите там начальство, пусть закупят пару легковушек. Махать крыльями туда-сюда — то ещё удовольствие, небось спина отваливается.

Но юмор у небесных созданий, похоже, напрочь отсутствовал. Великан лишь нахмурился и на полном серьёзе принялся объяснять:

— Мы летаем быстрее звука. А ещё умеем телепортироваться. Это гораздо эффективнее ваших консервных банок на колёсах.

Спорить о преимуществах магии над технологиями Джеймс не рискнул — весовые категории были явно не те. Поэтому он просто вздохнул и, решив идти напролом, раздраженно бросил:

— Ладно, проехали. Слушай, отвяжись от меня, а? Не буду я петь, и точка! Возвращайся в свою обитель блаженных и не суй нос в дела смертных. Моё призвание — крутить гайки. Мне нравится возиться с моторами, ясно тебе? Так что топай отсюда.

— Ты лжёшь. Тебе тошно даже думать об этом, — мягко уличил его ангел. На его скульптурном лице отразилось искреннее непонимание. — Твоя судьба — сцена. Твоя душа прямо сейчас кричит об обратном. Ты терпеть не можешь эту липкую, вонючую отработку под ногтями. Тебя воротит от мысли, что придётся изо дня в день монотонно возиться с ржавым хламом и ублажать капризы безликой толпы...

— «Душа кричит»? Ты что, мысли мои читаешь? — опешил Джеймс.

— Совсем немного. На самом деле я вижу твою душу... Она... она у тебя потрясающая.

При этих словах brutальный двухметровый качок вдруг застенчиво потупился, выдав гримасу чистейшего девичьего смущения.

Джеймсу стало чертовски не по себе. Кому понравится, когда в твоей голове хозяйничают как у себя дома? К тому же он окончательно убедился, что у них с этим пернатым наблюдается тяжелейший кризис взаимопонимания.

Для любого нормального человека работа — это просто способ не сдохнуть с голоду. В конце концов, глупо уходить в туман только из-за того, что твоя работа — дерьмо, твой начальник — кусок дерьма, и впереди тебя ждёт целая жизнь в окружении точно таких же унылых говнюков. Жрать-то хочется каждый день!

Но ангел, питающийся исключительно нектаром и амброзией, этих приземлённых истин явно не догонял. Он продолжал смотреть на Джеймса кроткими, невинными глазами. На его точёном лице снова проступила вселенская скорбь за род людской:

— Какие же вы, люди, сложные... — Он сокрушённо вздохнул и пробормотал под нос: — Ладно, бесполезно спорить.

Не успел Джеймс и глазом моргнуть, как мир снова взорвался ослепительно-белой вспышкой.

Какое же блядство!

Ну каково, а? Джеймс снова обнаружил себя сидящим на кровати в собственной спальне.

Чертыхаясь, он рванул дверь, скатился по лестнице. Внизу всё было с точностью до миллиметра как прежде: папаша и братец дымили сигаретами, глушили пиво перед телевизором и дико ржали над дурацким шоу. Сценарий повторялся точь-в-точь: те же реплики, те же рожи, те же ароматы кулинарного кошмара из кухни.

Единственное отличие заключалось в том, что на этот раз Джеймс решил поберечь нервы и не стал вываливать стряпню в помойное ведро.

Однако его туповатый братец Линд всё равно примчался с сияющей физиономией:

— Давай, налетай! Полчаса у плиты корячился, всё ради тебя!

У Джеймса от ангельских фокусов и без того крыша ехала. Пытаясь задушить в себе глухое раздражение, он честно заставил себя проглотить ложку этой бурды. Но желудок мгновенно взбунтовался, и парня вывернуло обратно в тарелку.

Линд взвился на дыбы:

— Твою мать! Специально, да?! Ты издеваешься надо мной?! Я тут корячился, душу вкладывал, а ты... да чтоб тебя черти драли!

Из гостиной зычно гаркнул старый Джон:

— Завали хайло, придурок! Кого ты там драть собрался?! Мать свою помянул, debil?!

Адский ад. Настоящий кошмар наяву.

Джеймс чувствовал, что ещё немного — и он сойдёт с ума. Потому что его затянуло в бесконечную петлю времени.

Стоило ему на следующее утро сделать шаг в сторону любой нормальной работы, как из ниоткуда соткался этот грёбанный упёртый баран с крыльями. Он без лишних слов щёлкал пальцами и швырял Джеймса обратно в исходную точку, настойчиво требуя сделать «правильный» выбор.

Примерно к пятидесятому кругу Джеймс прошёл все стадии: от яростного сопротивления и дипломатических переговоров до диких истерик с матерной бранью. В конце концов его воля была сломлена. Он сдался.

Очувтившись в спальне в пятьдесят первый раз, он в полном исступлении рухнул на колени и заорал в потолок:

— Твоя взяла, пернатый ублюдок! Катись к чертям в свой сраный рай! Хрен с тобой, я буду петь! Буду орать эти чёртовы песни, доволен?!

Небесный шантажист не проронил ни звука. Но Джеймс кожей чувствовал, что эта тварь где-то рядом, тихонько злорадствует из-под невидимого облака.

Трясаясь от злости, он пинком распахнул дверь, вихрем слетел по ступенькам и, не дожидаясь, пока Линд заведёт свою волюнку, пулей влетел в кухню и схватил миску с вонючим варевом.

В следующую секунду тарелка с мерзкой кашей смачно размазалась по самодовольной роже старшего брата. Джеймс иступлённо замахал кулаками, сорвавшись на крик:

— Пятьдесят раз! Сука, пятьдесят раз подряд! Я честно пытался не устраивать скандал! Но ты, дегенерат, каждый грёбанный раз находил повод докопаться до меня из-за этой собачьей баланды! Пятьдесят раз ты мотал мне нервы! Хочешь подраться?! Ну так давай, иди сюда, говнюк! Нападай!

Линд застыл на месте, разинув рот от такого напора. Ярость младшего буквально парализовала его. Кое-как стерев жижу с лица, он испуганно выдавил:

— Жи-Джимми... Ты чего? С дуба рухнул?

Старый Джон в зале тоже впал в ступор. Сползшая из его рук газета шлёпнулась на колени. Он растерянно переглянулся со старшим сыном и неуверенно предположил:

— Может... у парня просто стресс из-за выбора профессии?

<http://bllate.org/book/19389/1939496>